

«Нерушимая дружба советских народов»: создание, бытование и деконструкция одного советского мифа

Игорь Г. Яковенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, igjack@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается один из базовых советских мифов – «нерушимая дружба советских народов». Описываются формы выражения данной идеологической конструкции. Исследуется образ «старшего брата», под которым понимался русский народ. Раскрываются основания нерушимости дружбы советских народов, которая трактовалась как одно из основных завоеваний советской власти. Эта идеологическая конструкция сложно сочеталась с реальностью советской эпохи. Культурные, конфессиональные и локально цивилизационные различия разных сегментов советского общества сохранялись и противостояли интегрирующему воздействию государства. Все народы СССР переживали модернизацию, но, вопреки упованиям политиков и идеологов, процессы сближения не обеспечивали слияния. Советская идеология не смогла обеспечить интеграцию, а под слоем государственной пропаганды разворачивались процессы дифференциации и национального становления. Кризис советского общества резко обозначил культурные и геополитические ориентации разных народов СССР. Эпоха перестройки, распад СССР и постсоветская реальность раскрыли фиктивный характер мифа о «нерушимой дружбе советских народов». Сегодня «нерушимая дружба» – материал для исследования сложной диалектики идеологических установок идеократического государства и объективных социокультурных процессов, развивающихся в этом обществе.

Ключевые слова: «нерушимая дружба советских народов», модернизация, национальное становление, «расцвет и сближение социалистических наций», национальная интеллигенция

Для цитирования: Яковенко И.Г. «Нерушимая дружба советских народов»: создание, бытование и деконструкция одного советского мифа // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 27–39. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-27-39

“Unbreakable friendship of the Soviet people”: creation, existence and deconstruction of one Soviet myth

Igor G. Yakovenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; igjack@yandex.ru

Abstract. The article investigates one of the basic Soviet myths – “Unbreakable friendship of the Soviet people”. The forms of expression of this ideological construction are described. The image of “the elder brother”, which was understood as the Russian people, is investigated. The article reveals the foundations of the inviolability of friendship of the Soviet peoples, which is interpreted as one of the main achievements of Soviet power.

The studied ideological structure was difficult to combine with the reality of the Soviet era. Cultural, confessional and locally civilizational differences of different segments of Soviet society persisted and resisted the integrating influence of the state. All the peoples of the USSR experienced modernization, but, contrary to the hopes of politicians and ideologists, the processes of rapprochement did not provide a merger. The Soviet ideology could not provide integration, and under a layer of the state promotion, processes of differentiation and national formation were developed. The crisis of Soviet society sharply marked the cultural and geopolitical orientations of different peoples of the USSR. The era of Perestroika, the collapse of the USSR and the post-Soviet reality revealed the fictitious nature of the myth of the “unbreakable friendship of the Soviet people.” Today, “unbreakable friendship” is a material for the study of complex dialectics of ideological attitudes of an ideocratic society and objective socio-cultural processes developing in this society.

Keywords: “unbreakable friendship of the Soviet people”, modernization, national formation, “flourishing and rapprochement of socialist Nations”, national intelligentsia

For citation: Yakovenko IG. “Unbreakable friendship of the Soviet people”: creation, existence and deconstruction of one Soviet myth. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2019;8: 27-39. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-27-39

Введение. История вопроса

Формула «нерушимая дружба народов» относится к важнейшим базовым мифам, на которых покоилась советская идеология. Слова из советского гимна фиксируют базовый характер этой идеологической ценности: «Славься, Отечество наше свободное,/ Дружбы народов надежный оплот!/ Знамя советское, знамя народное / Пусть от победы к победе ведет!» Идея нерушимой дружбы имела тысячи выражений и повторялась в самых разных регистрах.

Она была представлена в московском метро, советском кинематографе, разнообразных неделях и месячниках дружбы. Эта формула варьировалась в названии знаменитого фонтана на ВДНХ, литературного журнала «Дружба народов», ордена «Дружба народов», Российского университета дружбы народов.

«Дружба народов» имела не только закллинательно-идеологическое, но и прагматическое измерение. В многонациональном государстве неизбежно возникали проблемы межнациональных отношений. Формула «нерушимая дружба народов» воспроизводилась в идеологическом пространстве, культуре, массовых коммуникациях, системе образования, выступая базовым интегратором советского общества. В этой формуле просматривался также и идейно-теоретический аспект. Идея дружбы народов, вступивших на путь построения коммунистического общества, вытекала из марксистско-ленинской доктрины как закономерное и неизбежное следствие социалистического выбора. «Дружба народов» являлась органическим компонентом хилиастического переживания социалистического проекта. За ней вырисовывались идеологии Просвещения и Прогресса.

Марксистское обществоведение разрабатывало концепцию дружбы народов, оттачивало формулировки, обращалось к данной теме снова и снова. Определение этого понятия в словаре научного коммунизма, изданном на излете советской эпохи в 1983 г., выглядело следующим образом:

Дружба народов – всестороннее братское сотрудничество, политическая, экономическая, военная и культурная взаимопомощь наций и народностей, ставших на социалистический путь развития; в многонациональных государствах – одна из движущих сил развития социалистического общества; в межнациональных отношениях стран социализма – основа все большей экономической и политической интеграции, единства в борьбе за мир, за сохранение и умножение социалистических завоеваний, за торжество коммунизма¹.

Помимо нормативных определений к проблематике дружбы народов постоянно обращались теоретические журналы «Большевик», а позже «Коммунист», «Молодой коммунист»; выходили монографии. Тема раскрывалась в вузовских учебниках по научному коммунизму, по ней писались и защищались диссертации [1 с. 38].

¹ Дружба народов // Научный коммунизм: Словарь / Александров В.В., Амвросов А.А., Ануфриев Е.А. и др.; под ред. А.М. Румянцева. Изд. 4-е, доп. М.: Политиздат, 1983. 352 с.

Рассматривая такие публикации, необходимо отметить, что «нерушимая дружба советских народов» органично включалась в проект построения коммунизма. Данный проект выглядел социально привлекательным, однако у него был принципиальный недостаток: коммунизм противостоит природе человека и базовым законам самоорганизации социально-культурного целого. А эта целостность во все времена диктует мышление и поведение массового человека.

До тех пор пока реализовывался советский проект, «дружба народов» относилась к бесспорным истинам. По завершении советского этапа отечественной истории проблемы межнациональных отношений и «дружбы народов» в СССР рассматриваются с учетом драматического опыта распада страны в новой деидеологизированной реальности. Эта тема интересует и ученых, работающих в разных областях социально-гуманитарного знания, и публицистов.

В качестве примера обратимся к статье И.В. Бестужева-Лады «Дружба народов: миф или реальность?» [2 с. 146–153]. Автор начинает обсуждение темы с истории межэтнических отношений, бегло прослеживая ее от глубокой древности. Анализируя проблему, Бестужев-Лада формулирует важное суждение: «Дружба – феномен, существующий на персональном уровне. На этническом уровне отношения описываются в других терминах, нагруженных соответствующим смыслом» [2 с. 150]. С его точки зрения корректно говорить об «этническом симбиозе» народов. Подобные отношения, по его мнению, являются взаимовыгодными. Основные претензии Бестужева-Лады к бывшим республикам СССР состоят в «исторической неблагодарности» последних. Автор защищает политику Российской империи, завоевывавшей разные народы, и указывает на их спасение от геноцида, создание зрелой государственности и т. п. Здесь надо отметить, что «историческая неблагодарность» – удел метрополий всех колониальных империй. Англичане создали в Индии сеть железных дорог, систему среднего и высшего образования, внедряли европейскую медицину, боролись с архаическими традиционными обычаями, такими как сати – обряд сжигания вдовы после смерти мужа. Однако нигде не довелось прочесть слова благодарности англичанам со стороны индийского общества. Среди ключевых выводов автора – утверждение об абсолютной нежизнеспособности и абстрактности понятия «дружба народов». Советский период истории Бестужев-Лада трактует как эпоху «окончательного решения национального вопроса». Тем не менее по причинам, которые автор не проясняет, в национальных республиках росли русофобские настроения. И в конечном счете все закончилось распадом СССР. Бестужев-Лада не видит объективных законов самоорганизации этнических целостностей и трактует дистанцирование от «рус-

ских» как результат действий своекорыстных политических сил, как проявление «русофобии». В отличие от пристрастного оценочного суждения И.В. Бестужева-Лады работа Е.В. Коняевой «Содержание и вариативность идеологического концепта “дружба народов”» отличается нейтральным и сугубо академическим подходом к исследуемому явлению [3 с. 190–198]. Среди выводов автора важное место занимает ее утверждение о том, что в постперестроечную эпоху данный концепт лишился своего идеологического ядра и сблизился с содержанием понятия «дружба».

Разные точки зрения на «дружбу народов» представлены и в пространстве современной российской публицистики. Среди них можно найти предложения вновь ввести это понятие в общественный лексикон². Проводятся круглые столы, посвященные «поиску формулы Дружбы народов нашей страны»³. Складывается впечатление, что многие авторы, обращающиеся к осмыслению заявленного проблемного пространства, не сознают объективную логику исторического процесса. Для них очевидным представляется, что дружба народов – это хорошо. Но что препятствует утверждению этой позитивной ценности, остается непонятным. Между тем культурология и цивилизационный анализ, на наш взгляд, дают возможность ответить на поставленный вопрос.

Прежде всего, любой этнос представляет собой самоорганизующуюся целостность. Формируя этническое сознание, культура закладывает в ментальность носителей этого сознания установку на дистанцирование от других этносов. В одних случаях она выражена сильнее, в других – слабее, но присутствует всегда. В культуре любого народа имеются анекдоты о соседних народах. Причем речь идет именно о соседях. К примеру, в России трудно найти анекдоты об австралийцах или аргентинцах. Насмешливое отношение к соседу легко разделяется всеми. Помимо этого, между этническими общностями нередко существуют давние исторические счеты. Например, бытовое негативное отношение греков к туркам или поляков к русским опирается на драматический исторический опыт. Одновременно существует и обратное – устойчивая симпатия одного народа к другому, которая тоже опирается на свой исторический опыт. Так, поляки привычно тяготеют к Франции. Связано

² Воеводина Т. О российской нации и дружбе народов [Электронный ресурс] // Завтра. 2016. 4 ноября. С. 3. URL: http://zavtra.ru/blogs/o_rossijskoj_nacii_i_druzhbe_narodov (дата обращения 24.06.2019).

³ Размышления о формуле Дружбы народов России. Круглый стол в Московском Доме национальностей. 2013.19.09 [Электронный ресурс]. URL: <http://bartabo.ru/?paged=2> (дата обращения 13.06.2019).

это с тем, что в свое время Франция, противостоявшая Пруссии и Австро-Венгрии, поддерживала польскую эмиграцию. В 1807 г. Наполеон создал Варшавское герцогство, в котором поляки видели прообраз воссоздания Польши. Корпус Домбровского воевал вместе с французской армией. Этот момент отражен в польском гимне «Мазурка Домбровского», второй куплет которого в русском переводе звучит так: «Марш, марш, Домбровский! Из Италии в Польшу! / С народом и страной, / Жить одной судьбою!» Отсюда устойчивая франкофилия в современном польском обществе. В Болгарии же традиционно устойчиво позитивное общественное отношение к России, усилиями которой Болгария в 1879 г. освободилась от османского угнетения и стала суверенным государством.

Далее, история свидетельствует об устойчиво негативном отношении к мигрантам в странах пребывания. Как известно, еврейский народ тысячелетия существовал в диаспоре. В. Чериковер, исследовавший историю евреев в эллинистическую эпоху, возводит начало антисемитизма к египетскому жрецу Манефону, жившему в III в. до н. э. [4 с. 532]. Бытовой антисемитизм существует в современных обществах до сегодняшнего дня. Стоит отметить также настороженно-негативное общественное отношение к цыганам. Эти явления можно стремиться изживать, однако надо давать себе отчет в культурно-исторической обусловленности тех или иных межэтнических отношений.

Формы бытования образа «дружбы народов» в советской реальности

Обратимся к тому, в каких формах идея «дружбы народов» присутствовала в советской реальности. Согласно официальному курсу, «нерушимый» Советский Союз был образован согласно воле народов, его создавших. Важно понимать, что «союз нерушимый» возник после большевистской революции. Ленин называл Российскую империю «тюрьмой народов». Авторство этого фразеологизма принадлежит маркизу Де Кюстину («Россия в 1839 году»). К середине 30-х гг. прошлого века формулировка «Россия – тюрьма народов» была преобразована в «царизм – тюрьма народов», а политика царского правительства характеризовалась как «полуколонизаторская». В процессе становления СССР был снят тезис о «единой и неделимой России». Регионы бывшей Российской империи, входившие в новое государство, обрели статус союзных или автономных республик. В каждой из республик (нередко на равном месте) формировался общекультурный комплекс – художественная

литература, театр, опера и балет, создавались национальные научные центры, открывались киностудии, высшие учебные заведения. В республиканских школах преподавались национальные языки при условии обязательного освоения русского как «языка межнационального общения». Многие бесписьменные народы получили свою письменность с использованием кириллицы. Все это способствовало утверждению и распространению формулы «нерушимая дружба советских народов» как одного из главных завоеваний советской власти. У «нерушимой дружбы советских народов» складывался и внешний пояс: дружба с народами, избравшими путь построения социализма. Отражением этой официальной дружбы служили слова песен «Москва-Пекин»: «русский с китайцем – братья навек / крепнет единство народов и рас» и «Куба – любовь моя!».

Базовые понятия, лежавшие в основаниях мифологии «нерушимой дружбы», формировались на уровне марксистско-ленинской теории усилиями специалистов по историческому материализму и научному коммунизму и прорабатывались в исследовательских институтах. Что же касается политического руководства, идеологических работников, деятелей культуры, то они распространяли эту идеологию с использованием эстетических и стилистических норм, главенствовавших в советском информационном пространстве.

Значимой компонентой исследуемой нами идеологической конструкции был образ «старшего брата», т. е. русского народа. Это нашло свое отражение в первом куплете гимна: «Союз нерушимый республик свободных / сплотила навеки Великая Русь». В этой же связи вспоминается, что текст гимна Советского Союза написали два поэта – Михалков и Эль Регистан. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с добровольно сложившимся авторским коллективом. Однако, если Сергей Владимирович Михалков воспринимается как русский, то Габриэль Эль Регистан – армянин. И здесь также постулируется символическое единение советских народов вокруг гимна страны. Под «старшим братом» понимался русский народ. Смысловое поле понятия «старший брат» двояко. Он и старший, и главный. В виду имелось следующее: русский народ – самый многочисленный в СССР; именно Русь «сплотила навеки союз нерушимый». Столица России – столица СССР. Остальные народы выступали в качестве «младших братьев». На советских плакатах, иллюстрировавших эту идеологию, «старший брат» обычно стоял в центре композиции, а слева и справа от него соответственно «младшие братья» – украинец, грузин и представители других народов. Различие четко задавалось традиционной национальной одеждой. Образ нерушимого союза обретал наглядную форму. В кинофильмах, посвященных будням нашей армии, герой

фильма, русский рядовой, дружит с армянином или грузином. И это – частное выражение дружбы народов. Вспомним, что Зная Победы над рейхстагом водрузили сержанты Егоров и Кантария. Здесь «коренной» русский Егоров соседствует с грузином Кантария, который был выбран далеко не случайно. Такой союз тоже был призван демонстрировать дружбу народов.

В официальном советском искусстве существовал особый жанр – праздничный концерт. Концерт этот давали по самым разным поводам (завершение очередного съезда КПСС, день Советской армии и т. д.) и показывали по телевидению. В таком концерте в обязательном порядке предполагалось выступление исполнителей или коллективов, представляющих республики СССР. Единение советских народов являло себя на праздничной сцене. Эти концерты были государственно значимыми событиями; программу составляли и оттачивали крупные чиновники. А для любого исполнителя попасть в обойму приглашенных на праздничные концерты было существенной карьерной вехой.

Сложность формирования «нерушимой дружбы народов» обуславливалась тем, что в Советском государстве и обществе оказались собранными вместе фрагменты трех мировых религий и соответственно трех локальных цивилизаций – православной, исламской и протестантско-католической. Их сущностное единение было возможно только при условии утраты исходного системного качества и формирования новой сущности. Так это и мыслилось советскими идеологами. В 1961 г. на XXII съезде КПСС эта конструкция получила свое название: «новая историческая общность – советский народ». Тезис о нерушимой дружбе советских народов повторялся тысячекратно по самым разным поводам и звучал как символ веры. Лучшее всего эта теза воспринималась в РСФСР, в районах с доминирующим русским населением. Люди, регулярно смотревшие телевизор, были убеждены в существовании дружеских отношений между народами, и для них сообщения о конфликтах на национальной почве, разворачивавшихся под конец перестройки, стали совершенной неожиданностью. Русские, жившие в национальных республиках, сталкивались с куда более сложной и неоднозначной ситуацией.

Этнические русские веками расселялись по всей стране. Особенно интенсивно это происходило в советское время, поскольку было связано с созданием промышленности в республиках и с необходимостью распределения квалифицированных кадров врачей, учителей, преподавателей по регионам. В столицах союзных республик на улицах люди по преимуществу разговаривали по-русски. Русские приносили с собой свои привычки, образ жизни, стиль об-

щения. Русский человек везде чувствовал себя «старшим братом». Мало кто осваивал местный язык и был склонен включаться в местную культуру. В свою очередь далеко не все жители республик благожелательно принимали происходившие перемены. В советской картине мира альтернативная позиция, враждебная «дружбе советских народов», носила обозначение «буржуазный национализм». Это позиция старше Ленина и восходит к основам марксистского учения, согласно которому пролетариат по своей природе интернационален. А буржуазия создает нации, дробит рабочий класс по национальным группам, противопоставляет одни народы другим. За «буржуазный национализм» исключали из партии и преследовали. В послевоенную эпоху эта формулировка звучала реже, но оставалась в арсенале советских идеологов.

В истории с «нерушимой дружбой» проявилась одна из универсальных закономерностей эволюции советского общества. Миф о «нерушимой дружбе» идеально адресовался мигранту первого поколения, человеку с неполным средним образованием, свято верившему советским средствам массовой информации, а позже видевшему мир глазами телевизора. Смена поколений, изменение социально-культурной структуры советского общества формировали другие общественные запросы и предполагали иной уровень обсуждения заявленных проблем.

Кризис и снятие идеологемы «дружбы народов»

Золотой век мифа о «нерушимой дружбе советских народов» заканчивается во второй половине 60-х гг. Всеобщее среднее образование и массовое высшее, транзисторные радиоприемники, возникновение диссидентского движения, самиздат – все это диктует иную картину мира, другие интересы, другой язык и другие способы получения информации. Мифологическое сознание постепенно отодвигается на периферию. О том, что «они нас не любят», массовый россиянин знал и раньше. Но это виделось как факультативное наблюдение, не колеблющее основных идеологических установок. Между тем в советских республиках либо существовала, либо складывалась национально ориентированная интеллигенция. Такая интеллигенция всякий раз оказывается силой, запускающей процессы национального самоопределения. Публицисты, писатели, ученые собирали этнографические данные, создавали научные труды по истории и культуре своих народов, преломляли историю в литературно-художественных формах. Писатели стремились

выразить дух своего народа, указать на то специфическое, уникальное, что отличает его от других. Иными словами, они пробуждали национальное самосознание, способствовали его становлению и развитию. В XIX в. описанные процессы шли главным образом в Западной и Центральной Европе. В XX в. они пришли на российскую и советскую почву. Добавим: в секулярную эпоху национальное сознание часто оказывается замещенной формой религии.

Между тем «нерушимая дружба народов» мыслилась советскими идеологами как фактор формирования единой коммунистической нации. В 60-е гг. в советском идеологическом языке появляется формулировка «расцвет и сближение социалистических наций». Перспектива «расцвета и сближения» отрицала процессы национального становления. Таким образом, национально ориентированная интеллигенция потенциально оказывалась в стане противников советского проекта. По идеологическим и цензурным соображениям авторы этого круга были вынуждены говорить иносказаниями. Ярким примером такого художественного творчества является образ Манкурта, созданный Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день». Манкурт – человек, утративший собственное сознание и врожденную идентичность, раб, полностью подчиненный хозяину и не помнящий ничего из прежней жизни. С самого начала слово «манкурт» употреблялось для обозначения человека, потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своем родстве. На фоне доминирования советской идеологии в республиках формировалось национальное (этнокультурное) самосознание и складывались группы носителей этого миропонимания. В том числе и в РСФСР. Отсюда и борьба государственной власти с «великодержавным шовинизмом». Однако степень сформированности национального самосознания в разных регионах страны существенно различалась. Одни народы, входившие в СССР, имели опыт независимой государственности, опирались на зрелую национальную культуру. Другие народы мыслили себя родами и тейпами, у третьих самоидентификация формировалась в пределах той земли, на которой жили эти люди. В 60–70-х гг., когда диссидентское движение оформилось как реальность позднесоветской жизни, в самиздате и тамиздате активно обсуждались идеи российских националистов (например, сборник «Из-под глыб»)⁴. Из самых известных авторов, принимавших участие в обсуждении таких вопросов, можно назвать А.И. Солженицына. Идеи Солженицына сводились к объединению трех славянских народов – русских,

⁴ Из-под глыб: Сб. статей. Paris: YMKA-PRESS, 1974. 276 с.

украинцев и белорусов, включая часть территории Казахской ССР, где большую часть населения составляли русские. Остальные народы СССР, в соответствии с его позицией, могли идти своим путем [5].

Советский этап российской истории задал еще один цикл обаяния идеей растворения всех без остатка в «русском море». Тезис о «расцвете и сближении социалистических наций» понимался таким образом, что все эти братья однажды сольются с русским народом. Данная идея гораздо старше советской власти. Еще с трибуны Государственной думы четвертого созыва (1912–1917 гг.) архиепископ Николай возглашал следующее: «Историческая задача России и русского правительства, гражданского и церковного, состоит в том, чтобы обрусить все нерусское и оправославить все неправославное» [6 с. 292]. В советской внутренней политике цели усиления русскоязычной компоненты и присутствия русской культуры и образа жизни последовательно реализовывались с начала 30-х гг. (отмена политики «коренизации») до перестройки. Заметим, что научная и художественная литература, созданная за рубежом, переводилась главным образом на русский язык. Она издавалась большими тиражами и распространялась по всей стране. Для всех граждан СССР русский язык был единственным окном в мир. Высшее образование и наука также были организованы по преимуществу на русском языке. «Расцвет и сближение социалистических наций и народов» [7 с. 40–50] лежал в ряду других синкретических постулатов советской эсхатологии: слияние города и деревни, слияние умственного труда и физического, отмирание государства, т. е. прекращение деления людей на носителей власти и подвластных. Предполагалось, что в коммунистическом раю все сольется со всем в нераздельную и однородную синкретическую массу. В синкретическом единстве и слиянии всего со всем архаическое сознание провидело конуры рая.

Однако сохранялась проблема общения «младшего брата» со «старшим». «Младший» должен был терпеть и уступать в конфликтных ситуациях. В советском повседневном лексиконе активно использовались негативные обозначения «младших братьев» (чурки, чучмеки, халаты и пр.). Главная претензия к «ним», выражавшаяся в бытовом общении, состояла в том, что «мы» строим, работаем, кормим «их», а «им» все мало. «Иногородцы» же устойчиво демонстрировали «неблагодарность» и отчуждение от «старших братьев». Проблемы в межнациональных отношениях существовали и в союзных республиках.

Дисбаланс накапливался, и во время перестройки эту систему межэтнических отношений прорвало. Житель метрополии обна-

ружил, что помимо отношений «русский–нерусский» существует масса проблем и застарелых счетов в союзных республиках. Развернулись армяно-азербайджанское противостояние из-за Нагорного Карабаха, движение крымских татар за возвращение в Крым. Из Ферганы узбеки изгоняли турок-месхетинцев. Позднее в Анджане узбеки преследовали евреев и армян. Межэтнические конфликты разворачивались в Абхазии, Южной Осетии, Азербайджане. «Нерушимая дружба народов» оказалась фантомом. Во многих союзных республиках обрело силу движение за выход из СССР. Постсоветская эпоха окончательно добила концепт «дружбы народов». В Приднестровье русские воевали с молдаванами. Армяне воевали с азербайджанцами за Карабах. Грузия воевала с Осетией и Абхазией (в эту войну в 2008 г. включилась и РФ). В Киргизии дважды происходило резкое обострение межэтнических конфликтов⁵. Помимо силовых эксцессов разворачивались и серьезные идеологические процессы. В ряде постсоветских республик возникли «Институты национальной/исторической памяти» (Украина, Литва, Эстония) или «Музей советской оккупации» (Грузия), в которых история этих народов на этапе их пребывания в рамках Российской империи и СССР интерпретировалась в духе, далеком от любых версий «дружбы народов». Без малого тридцать лет существования государств на постсоветском пространстве трансформировали формулу «нерушимой дружбы народов» в атрибут ушедшей эпохи, когда массовому человеку хотелось верить в общее настоящее и прекрасное будущее.

Литература

1. Мансветов М.В. Сближение наций и возникновение интернациональной общности народов СССР // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 38–53.
2. Бестужев-Лада И.В. Дружба народов: миф или реальность? // Экономические стратегии. 2015. № 7. С. 146–153.
3. Коняева Е.В. Содержание и вариативность идеологического концепта «дружба народов» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 190–198.
4. Чериковер В. Эллинистическая цивилизация и евреи. СПб., 2010. С. 532.
5. Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение // Из-под глыб: Сб. статей. Paris: YMKA-PRESS, 1974. С. 115–150.

⁵ Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 г.: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2009. 404 с.

6. *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С. 292.
7. *Павлов Г.* Расцвет и сближение социалистических наций // Коммунист. 1962. № 18. С. 40–50.

References

1. Mansvetov MV. Rapprochement of Nations and the Emergence of international Community of Peoples of the USSR. *Voprosy istorii*. 1964;5:38-53. [In Russ.]
2. Bestuzhev-Lada IV. Friendship of Peoples Myth or Reality. *Ekonomicheskie strategii*. 2015;7:146-53. [In Russ.]
3. Konyaeva EV. Content and Variability of the Ideological Concept “Friendship of Peoples”. *Politicheskaya lingvostika*. 2015;2:190-98. [In Russ.]
4. Cherkover W. *Hellenistic Civilization and the Jews*. Sankt-Petersburg, 2010. [In Russ.]
5. Solzhenitsin AI. Repentance and self-restraint. V: *From under the Boulders*. Collected papers. Paris: YMKA-PRESS, 1974. p. 115-50. [In Russ.]
6. Menshikov MO. *Letters to the Russian Nation*. Moscow: Izdatel'stvo zhurnala “Moskva” Publ.; 2000. [In Russ.]
7. Pavlov G. The Rise and Convergence of the Socialist Nations. *Kommunist*. 1962;18:40-50. [In Russ.]

Информация об авторе

Игорь Г. Яковенко, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; igjack@yandex.ru

Information about the author

Igor G. Yakovenko, Dr. of Sci (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq. Moscow, Russia, 125993; igjack@yandex.ru